

Конох Николай Семенович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Днепропетровского государственного технического университета

УДК: 112

**ФИЛОСОФСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА
В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА**

Статья посвящена философско-образовательным аспектам права в контексте человеческой идентификации.

Ключевые слова: право, автономизация, дискурсивность.

**ФІЛОСОФСЬКЕ ПРИЗНАЧЕННЯ ПРАВА
В ПРОЦЕСІ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ЛЮДИНИ**

Стаття присвячена філософсько-освітнім аспектам права в контексті людської ідентифікації.

Ключові слова: право, автономізація, дискурсивність.

**PHILOSOPHICAL PURPOSE OF LAW
IN THE PROCESS OF HUMAN IDENTIFICATION**

Article focuses on the philosophical and educational aspects of law in the context of human identification.

Keywords: law, autonomization, discursivity.

Является общепринятым, что философская образованность или, по крайней мере, осведомленность в сфере философской проблематики, давно является атрибутом высшего образования. Вероятно, это один из факторов, обуславливающих фундаментальную направленность отечественной науки и обеспечивающих способность многих наших ученых выйти за пределы узкоспециальной проблематики. Тем не менее самостоятельный статус философии как учебной дисциплины в современных вузах отнюдь не всем представляется как нечто само собой разумеющееся. В первую очередь это касается так называемых профильных учебных заведений, где в суждениях о философии нередко явственно угадывается смысл когда-то крылатой фразы министра народного просвещения императорской России П.А. Ширинского-Шихматова: "Польза от философии не доказана, а вред от нее возможен" [1, с. 4].

Достаточно часто, преподаватель правовых дисциплин испытывает на себе своего рода давление требований обеспечения "связи с практикой правоохранительной деятельности" содержания преподаваемого предмета. Фразы о роли философии в формировании "осознанных мировоззренческих и нравственных установок", о "развитии способности к самостоятельному теоретическому мышлению", необходимых для решения любых практических задач, звучат для позитивистски настроенного большинства юристов лишь как слабое оправдание философов в своем существовании [2, с. 13-16].

Размышления по этим вопросам можно расположить по нескольким позициям. С одной стороны, достаточно давно и ныне многие специалисты – юристы утверждают : "...само по себе применение философских терминов к праву новых смыслов не рождает, оно их только поверхностно множит" [3, с. 41]. Применение философских терминов к анализу конкретной правоприменительной деятельности не только не рождает новых смыслов, но и усложняет понимание целей своих действий для тех, кто пытается эти рассуждения "понять" и "освоить". В конечном счете, это порождает настороженное отношение к философии как к пустому схоластическому словоблудию, хотя в прямом смысле подорвать ее авторитет невозможно.

С другой же стороны, философское осмысление территории закона есть всегда поиск новых, относительно действующего законодательства, смыслов правотворчества, соответствующих изменениям социальной, да и не только социальной, – возьмем экологическое право, – действительности. Философское осмысление явлений правовой действительности по сути всегда означает выход за рамки собственно права, взгляд на него "со стороны". Такие известные профессиональные российские юристы конца XIX – начала XX века как Б.Н. Чечерин, А.Д. Градовский, П.Г. Редькин, П.И. Новгородцев были не просто служителями закона, они участвовали в процессе рождения новых смыслов права благодаря своей классической философской эрудиции. Позволим себе пространную, уж больно к месту, цитату из "философии права" Б.Н. Чичерина: "Положительные законы суть произведения человеческой воли и как таковые могут быть хороши или

дурны... Чем же должен руководствоваться законодатель?... Он не может черпать руководящие начала из самого положительного права, ибо это именно то, что требуется оценить и изменить... Он не может довольствоваться и указаниями жизненной практики, ибо последняя представляет значительное разнообразие элементов, интересов и требований, которые приходят в столкновение друг с другом и между которыми надобно разобраться. Чтобы определить их относительную силу и достоинство, надобно иметь общие весы и мерило..., а их может дать только философия" [4, с. 21].

Как нам представляется, ответ на поставленные вопросы следует искать в генезисе взаимоотношений права и морали. Развитие морали и права в силу выполнения ими специфических функций в высоко дифференцированном обществе шло не только параллельно, но и посредством взаимной рефлексии, взаимного отзеркаливания. Причина этого в общем истоке – нравы как регуляторы социального взаимодействия. И двоякопроявляющиеся нравы (в юридическом и собственно социальном аспектах) традиционалистского общества, и развивающиеся из них правовая и моральная нормы модернистского общества имеют социальными референтами одни и те же индивидуализированные социально значимые действия, вплетённые в контекст обезличенных коллективных субъектностей [7. СС. 8-13, 17-25, 99-100].

Право также как и мораль оказалось «втянуто» в процесс взаимодействия замкнутых самих на себя автономных социальных систем. Но оно функционально ориентировано в этом процессе иначе, чем мораль. Если негативная моральная оценка сигнализирует о выходе из системы или о подмене принципа оценки эффективности с позиции самой системы, то право, наоборот, выполняет функцию посредника, медиума в этом межсистемном взаимодействии, функцию представительства одной системы во «внутреннем мире» другой системы. Уже в силу этой функции правовая система содержательно может быть только пустой – *пустотой, способной наполняться в зависимости от характера взаимодействия систем различным содержанием*; выхолощенность содержания оборачивается формализмом, формой, формальной абстрактностью. Из этой пустой формальности вытекает специфика конструкторов правовой социально-юридической системы – абстрактность и формализованность. Перечисленными особенностями отношения права и морали могут быть объяснены как связь, так и конфликтность между правом и моралью. Оба социальных феномена есть разнонаправленные векторы единого социального механизма, интегрирующего взаимодействие автономных социальных систем в их соотносённости с индивидуализированным социальным действием.

Результатом развёртывания принципа права стало возможным создание социально-юридической системы нового типа, которую можно обозначить как «правовая». Новизна заключается в трёх принципиальных моментах. Первый момент – эта система автономна, принцип её самоорганизации и функционирования не редуцируем к внешним принципам и требованиям. Второй – эта система опирается на собственный имманентный ей принцип: право есть формальная равная мера. Третий – она является дискурсивно сконструированной. Первый момент вкратце охарактеризован выше. Второй момент связан с общей логикой развития новоевропейского (модернистского) общества. Развитие этого общества может быть реконструировано через понятия «рационализация» и «автономизация» социальных систем большой размерности. Процесс был положен автономизацией и рационализацией тех видов деятельности, которые в их совокупности описываются терминами «экономика» и «политика». Автономизации экономической и политической систем, будучи двумя сторонами единого процесса, тесно связаны со становлением личности как типа индивидуации, характеризующегося автономностью (самостоятельностью, самодостаточностью).

Автономизация экономики и политики в этом контексте могут рассматриваться как процессы, взаимно подкрепляющие друг друга по принципу обратной связи. Взаимное развитие этих двух процессов породило эффект «петли запираения», придавшей процессам рационализации и автономизации общественных отношений необратимый и всеобщий характер. Индуцированный в области производственных отношений, процесс рационализации и автономизации с неизбежностью затрагивал проблему баланса публичной власти. Поэтому автономизация социально-экономической системы требовала её «отзеркаливания» в форме автономизации социально-политической системы. Усиление автономности «рефлектирующей» политической системы по петле обратной связи усиливало автономность экономической системы. Возрастание автономности и ускорение «разбегания» обеих систем разорвало предыдущий тип общества, уничтожило его, открыв пространство для нового типа социальности и личности.

Дальнейшее развитие описанных процессов вело к ослаблению морального контроля над механизмами властвования. В политической сфере начинают действовать имманентные ей принципы

эфективности. Их действие создаёт запрос на инструменты измерения политического действия и контроля над публичной властью. В силу того, что политическая сфера в качестве абстрактного всеобщего интереса, в качестве сферы универсальности становится формальной, инструмент исчисления размерности политической сферы должен быть изоморфен ей, т.е. должен быть таким же формализмом, обладающим универсальной природой. Другими словами, социально-юридическая система как ключевой элемент социального контроля в условиях обезличенной письменной коммуникации с неизбежностью должна была приобретать таковые характеристики. Механизмом, который обеспечил этой системе востребованные свойства, стало формирование и развитие правового дискурса. Право как принцип равной меры выступило в качестве предметной ценности организации дискурса. А оформление дискурсивности юридических отношений шло по общей модели рационализации и автономизации социальных систем, отрефлексированной философией в категории «трансцендентальный субъект».

Совокупность тематически однонаправленных высказываний, кодируемых различием «правовое/неправовое», содержанием которых являются отношения с характеристикой «обладающие свойством юридичности» может быть охарактеризована как правовой дискурс, строящийся по модели логических определений, высказываний и суждений, а система в целом способна рефлексировать основания дискурсивных высказываний. Рефлексия осуществляется в форме операционализации понятия «права» в метатеории, каковой выступает содержательный анализ категории «трансцендентальный субъект». В силу последнего обстоятельства этап функционирования права на собственной основе может быть обозначен как трансцендентальный [см.7].

В качестве дискурсивности – это принципиальный момент новизны, – правовая социально-юридическая система получает способность, во-первых, выступать инструментом контроля и измерения, значимых в политическом пространстве действий, событий. Право придаёт одномерной политической сфере размерность, вносит в него мерные отметки, тем самым делая её измеримой, подверженной социальному контролю. Во-вторых, благодаря перечисленным свойствам – абстрактность, формальность, дискурсивность – правовая социально-юридическая система приобретает функцию социального медиума во взаимодействии автономных, самозамкнутых систем; она воспринимается как «своё чужое» в их внутренней коммуникации. Тем самым она приобретает способность проводить частные социальные интересы в сферу политического; образно говоря, она приобретает способность кодировать их в информационном коде, понятном политической системе.

Так в обнаружении идентификации собственной жизненной траектории, приобретении опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности человека праву принадлежит особое место. Будучи одновременно и областью науки, и областью практической деятельности, право предоставляет уникальные возможности для решения современных педагогических задач, позволяет не только приобрести правовые знания, но и развить особые способности и практические навыки действия в социальной сфере. Уникальность права как специфической формы общественного сознания и общественной практики, обуславливает также значительный воспитательный потенциал правовых курсов.

Работа с правовым содержанием создает условия для формирования ряда способностей, связанных с развитием мышления и речи, которые, как раз, и составляют основу идентификации человека еще с одной (наряду национальной, политической и др.) стороны – правовой.

Но принципиальное отличие правовых курсов состоит в том, что мышление в них формируется внутри практических действий по анализу ситуаций, то есть формируется как сторона практического сознания. В сфере права требуется развернутая аргументация своих мыслей, использование особых речевых средств для усиления воздействия на слушателя, выстраивание и вербальное оформление сложных многоуровневых логических заключений. Особая правовая риторика, конечно, недостижима в школе, но знакомство с лучшими образцами правовой риторики, пробы самостоятельной организации сложных речевых периодов – все это может и должно открыться в виде возможности построения собственного действия. Таким образом, работа с учебными курсами права обеспечивает развитие представлений о себе, отношения к себе и сообществу людей, усвоение общепринятых и выработку личных ценностных ориентации, правил и норм поведения, способов действия в обществе, а также развитие мышления и речи. Все это вместе и определяет правовую идентичность человека.

В современной школе право изучается практически только в 10-11-м классе, а еще недавно изучалось только в 9-ом классе оно отсутствует предшествующие 9 лет и в дальнейшем пропадает до 3 – 4 курса для тех, кто продолжает учебу в ВУЗе, а для большинства – навсегда. Такое положение дел

© **Кравцов Ю. С.**

лишний раз подтверждает пагубность ситуации, когда практически отсутствует концепция непрерывного правового образования и с необходимостью выдвигает проблему ее разработки и научного обоснования. Так, например, динамика изменения правовой ориентации студентов Днепропетровского государственного технического университета за период с первой половины 90-х годов до 2010 г.г. свидетельствует, что количество студентов, осознающих недостаток своих правовых знаний и желающих их улучшить выросло в области административного права соответственно с 54 до 62 %; гражданского права – с 41 до 60 %; трудового права – с 50 до 52 %. [8]. Учитывая, что студенческая молодежь – социальная перспектива государства, следует помнить, что именно здесь закладывается ее будущее правоповедение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Философский факультет Санкт-Петербургского университета. СПб., 1998.
2. Философия: Учебное пособие для слушателей (студентов) заочного обучения юридических вузов/ [Под общей ред. В.П.Сальникова, Г.Н.Хона]. — 2-е изд., испр. и доп. СПб. 2000. — 567 с.
3. Малинова И.П. Философия права (от метафизики к герменевтике) — Екатеринбург, УГЮА, 1995 — 123 с.
4. Чичерин Б. Н. Философия права. — СПб.: Наука, 1998.— 656 с.
5. Шуман, А. Н. Философская логика. Истоки и эволюция / А.Н. Шуман.— Минск: Экономпресс, 2001. — 896 с.
6. Пономарёв А. М. Право в системе национальных ценностей: монография / А. М. Пономарев; [РАН, УрО, Ин-т экономики] — Екатеринбург: Ижевск: [б. и.], 2009. — 119 с.
7. Тихонравов Ю. В. Основы философии права. — М.: Вестник, 1997. — 608 с.
8. Конох М. Правова свідомість і правова культура студентської молоді у дзеркалі громадської думки / М. Конох, А. Хрідочкін //ПРАВО УКРАЇНИ 2006. — №3. — С.83.

Кравцов Юрий Сергеевич – кандидат философских наук, доцент, докторант кафедры философии и права Днепропетровского государственного технического университета.

УДК: 112

НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОМ СТАТУСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается одна из важнейших проблем современного гуманитарного знания – проблема радикальных изменений в области социальной онтологии, что сопровождается глубоким переосмыслением коммуникативной природы социальной реальности, изменением представлений об информации как сущностной характеристике самого общества. В работе представлена специфическая социальная телесность, в которой актуализируется социальная реальность, ее целостность и осмысленность.

Ключевые слова: социальная реальность, онтологический статус, социальная телесность.

НОВІ УЯВЛЕННЯ ПРО ОНТОЛОГІЧНИЙ СТАТУС СОЦІАЛЬНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

У статті розглядається одна з найважливіших проблем сучасного гуманітарного знання – проблема радикальних змін в області соціальної онтології, що супроводжуються глибоким переосмисленням комунікативної природи соціальної реальності, зміною уявлень про інформацію як сутнісну характеристику самого суспільства. У роботі представлена специфічна соціальна тілесність, у якій актуалізується соціальна реальність, її цілісність і сенситивність.

Ключові слова: соціальна реальність, онтологічний статус, соціальна тілесність.

NEW IDEAS ABOUT THE ONTOLOGICAL STATUS OF SOCIAL REALITY

The article deals with one of major problems of modern humanitarian knowledge – the problem of radical changes in area of social ontology, that is connected with deep rethinking of communicative nature of